



ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ

Distr.  
LIMITED

A/CN.4/L.497  
4 July 1994

RUSSIAN  
Original: ENGLISH/FRENCH

КОМИССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Сорок шестая сессия

2 мая - 22 июля 1994 года

ПРОЕКТ ДОКЛАДА КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА  
О РАБОТЕ ЕЕ СОРОК ШЕСТОЙ СЕССИИ

Докладчик: Г-н Питер Кабатси

Глава IV

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ

СОДЕРЖАНИЕ

	<u>Пункты</u>	<u>Стр.</u>
A. Введение .....	1 - 6	5 - 6
B. Рассмотрение темы на данной сессии .....	7 - 121	7 - 37
1. Вопрос о последствиях деяний, характеризующихся в качестве преступлений по статье 19 Части первой проектов статей .....	8 - 121	7 - 37
a) Различие между преступлениями и деликтами, закрепленное в статье 19 Части первой проектов статей .....	12 - 38	8 - 16
i) Концепция преступления .....	12 - 14	8

Содержание ( <u>продолжение</u> )		<u>Пункты</u>	<u>Стр.</u>
ii)	Вопрос о правовой и политической основе концепции преступления . . . . .	15 - 16	9 - 10
iii)	Тип ответственности, возникающей в результате нарушений, характеризующихся в качестве преступлений в статье 19 Части первой проектов статей . . . . .	17 - 23	10 - 12
iv)	Функция концепции преступления - возможные альтернативные подходы . . . . .	24 - 29	12 - 13
v)	Определение, содержащееся в статье 19 Части первой проектов статей . . . . .	30 - 38	13 - 16
b)	Вопросы, которые, по мнению Специального докладчика, относятся к разработке режима ответственности государств за преступления . . . . .	39 - 96	16 - 29
i)	Кто устанавливает факт совершения преступления? . . . . .	39 - 44	16 - 17
ii)	Возможные последствия установления факта преступления . . . . .	45 - 65	16 - 23
iii)	Карательные последствия концепции преступления . . . . .	66 - 72	23 - 24
iv)	Роль Организации Объединенных Наций в определении наличия и последствий преступления . . . . .	73 - 91	25 - 28
v)	Возможное исключение преступлений из сферы применения положений об обстоятельствах, исключающих противоправность . . . . .	92 - 93	28 - 29
vi)	Общее обязательство о непризнании последствий преступления . . . . .	94 - 95	29

Содержание (окончание)

	<u>Пункты</u>	<u>Стр.</u>
vii)      Общее обязательство не помогать государству-правонарушителю .....	96	29
c)        Варианты действий, имеющиеся у Комиссии .....	97 - 101	29 - 31
d)        Выводы Специального докладчика .....	102 - 120	31 - 36
e)        Замечания по теме в целом .....	121	36 - 37



## ГЛАВА IV

### ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ

#### А. Введение

1. В принятом Комиссией на ее двадцать седьмой сессии в 1975 году общем плане проектов статей по теме "Ответственность государств" предусмотрена следующая структура проекта статей: Часть первая должна касаться происхождения международной ответственности; Часть вторая – содержания, форм и объема международной ответственности, а возможная Часть третья, которую Комиссия, возможно, режит включить в проекты статей, может касаться вопроса об урегулировании споров и осуществлении (*mis en oeuvre*) международной ответственности 1/.
2. На своей тридцать второй сессии в 1980 году Комиссия приняла в предварительном порядке в первом чтении Часть первую проектов статей о "происхождении международной ответственности" 2/.
3. Комиссия на своей тридцать второй сессии приступила также к рассмотрению Части второй проектов статей, касающейся "содержания, форм и объема международной ответственности".
4. В период между своими тридцать второй (1980 год) и тридцать восьмой сессиями (1986 год) Комиссия получила семь докладов предыдущего Специального докладчика г-на Виллема Рифагена 3/, касающихся частей второй и третьей проектов статей. С этого времени Комиссия исходила из предположения о том, что в проекты статей будет включена Часть третья, касающаяся урегулирования споров и осуществления (*mise en oeuvre*) международной ответственности.

---

1/ Ежегодник ... 1975 год, том II, стр. 64-71, документ A/10010/Rev.1, пункты 38-51.

2/ Ежегодник ... 1980 год, том II (Часть вторая), стр. 26-64, документ A/35/10, глава III.

3/ Эти семь докладов Специального докладчика см. Ежегодник ... 1980 год, том II (Часть первая), стр. 121, документ A/CN.4/330; Ежегодник ... 1981 год, том II (Часть первая), стр. 97, документ A/CN.4/334; Ежегодник ... 1982 год, том II (Часть первая), стр. 26, документ A/CN.4/354; Ежегодник ... 1983 год, том II (Часть первая), стр. 4, документ A/CN.4/366 и Add.1; Ежегодник ... 1984 год, том II (Часть первая), стр. 1, документ A/CN.4/380; Ежегодник ... 1985 год, том II (Часть первая), стр. 3, документ A/CN.4/389; Ежегодник ... 1986 год, том II (Часть первая), стр. 1, документ A/CN.4/397 и Add.1.

5. На своих сороковой (1988) – сорок пятой (1993) сессиях Комиссия получила пять докладов 4/ от нынешнего Специального докладчика 5/ г-на Гаэтано Аранджо-Руиса.

6. Завершая сорок пятую сессию, Комиссия приняла в предварительном порядке для включения в часть вторую проектов статей статьи 1-5 6/ и статьи 6 (Прекращение противоправного поведения), 6-бис (Возмещение), 7 (Реституция в натуре), 8 (Компенсация), 10 (Сатисфакция) и 10-бис (Гарантии неповторения) 7/. Далее она получила от Редакционного комитета проекты статей 11 (Контрмеры потерпевшего государства), 12 (Условия применения контрмер), 13 (Соразмерность) и 14 (Запрещенные контрмеры), принятые в первом чтении Комитетом 8/. И наконец, она передала Редакционному комитету проекты статей 1-6 Части третьей (и приложение к ним) относительно процедур урегулирования споров 9/, которые в настоящее время находятся на рассмотрении Редакционного комитета вместе с предложениями предыдущего Специального докладчика по этой же теме 10/.

---

4/ Пять докладов Специального докладчика см. Ежегодник ... 1986 год, том II, Часть первая, стр. 1, документ A/CN.4/416 и Add.1; Ежегодник ... 1990 год, том II, Часть первая, документ A/CN.4/425 и Add. 1; Ежегодник ... 1991 год, том II, Часть первая, документ A/CN.4/440 и Add.1; документ A/CN.444 и Add.1-3; и документ A/CN.4/L.453 и Add.1 и Corr.1, 2 и 3 и Add.2 и 3.

5/ Нынешний Специальный докладчик был назначен на тридцать девятой сессии в 1987 году.

6/ Тексты статей 1-5 (пункт 1) с комментариями см. в Ежегоднике ... 1985 год, том II, Часть вторая, стр. 30 и последующие.

7/ Текст пункта 2 статьи 5 и статей 6, 6-бис, 7, 8, 10 и 10-бис с комментариями см. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок восьмая сессия, дополнение № 10 (A/48/10), стр. 136 и последующие.

8/ См. документ A/CN.4/L.480 и Corr.1 (только на французском языке) и Add.1.

Данные положения были представлены председателем Редакционного комитета на 2318-м заседании Комиссии, однако принятие решения по этому вопросу было отложено до следующей сессии с учетом практики Комиссии не принимать статьи в отсутствие сопровождающих их комментариев.

9/ Текст проектов статей 1-6 Части третьей и приложения к ним, представленных нынешним Специальным докладчиком, см. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок восьмая сессия, дополнение № 10 (A/48/10), стр. 108 и последующие, сноски 74, 75, 76, 77, 78 и 79.

10/ Текст проектов статей 1-5 Части третьей и приложения к ним, представленных предыдущим Специальным докладчиком, см. Ежегодник ... 1986 год, том II, Часть вторая, стр. 42, сноска 86. Эти положения были переданы Редакционному Комитету на тридцать восьмой сессии (1986 год).

В. Рассмотрение темы на данной сессии

7. На данной сессии Комиссия рассматривала главу II пятого доклада Специального докладчика (A/CN.4/453/Add.2 и 3) и его шестой доклад (A/CN.4/461 и Add.1 и 2). В докладах рассматривались, с одной стороны, вопрос о последствиях деяний, характеризующихся в качестве преступлений по статье 19 Части первой проекта статей, и, с другой стороны, оценка положений об урегулировании споров до принятия контрмер, предусмотренных к настоящему времени в проекте статей. Соответствующим образом был составлен и настоящий раздел.

1. Вопрос о последствиях деяний, характеризующихся в качестве преступлений по статье 19 Части первой проектов статей

8. На рассмотрение Комиссии была вынесена глава II пятого доклада Специального докладчика (A/CN.4/453/Add.2 и 3), которая была представлена на предыдущей сессии 11/, и глава III его шестого доклада (A/CN.4/461/Add.1). Она рассмотрела эти документы на своих 2339-2343-м и 2348-м заседаниях, проведенных в период с 17 мая по 15 июня 1994 года.

9. По завершении рассмотрения вышеуказанных документов Комиссия заслушала выводы Специального докладчика и высказала ему за них свою признательность 12/. Она приняла к сведению его намерение представить на следующей сессии статьи или пункты по обсуждаемой теме, подлежащие включению в части вторую и третью. Она также отметила, что Специальный докладчик намерен действовать таким образом, чтобы позволить Комиссии завершить первое чтение проекта к концу нынешнего срока полномочий ее членов.

10. Комментарии и замечания членов Комиссии по вопросу о последствиях деяний, характеризующихся в качестве преступлений по статье 19 Части первой проекта и по теме об ответственности государств в целом отражены в пунктах 11-102 ниже.

11. Многие члены Комиссии подчеркивали сложность решаемых проблем, которые, как было отмечено, необходимо отразить в весьма деликатных и важных понятиях международного сообщества, межгосударственных систем, вины и уголовной ответственности государств, а также функций и полномочий органов Организации Объединенных Наций. Была высказана признательность Специальному докладчику за его просвещенный и ценный вклад в изучение этих проблем, несмотря на относительную осторожность и даже скромность его предложений. Глава III его шестого доклада, где в форме вопросника были представлены различные вопросы, вызванные различием между преступлениями и деликтами, была расценена как весьма полезная и устанавливающая прецедент, которому надлежит следовать.

---

11/ См. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок восьмая сессия, дополнение № 10 (A/48/10), пункты 283-333.

12/ См. пункты 103-120 ниже.

а) Различие между преступлениями и деликтами, закрепленное в статье 19 Части первой проекта статей

і) Концепция преступления

12. Согласно одной группе мнений, понятие преступления не вызывает концептуальных трудностей и различие между преступлениями и деликтами отражает качественное различие между основными нарушениями международного правопорядка и обычными правонарушениями, которые не ставят под угрозу основополагающую предпосылку, на которой основано международное сообщество, а именно сосуществование суверенных государств: подчеркивалось, что это различие является основополагающим фактом международной жизни в той мере, в какой, по всей очевидности, не соизмеримы нарушение соглашения о воздушном транспорте и агрессия или нарушение полицейскими сотрудниками прав человека иностранца и акт геноцида. Было также отмечено, что различие между двумя категориями международно-противоправных деяний признано в статье 19, которая была разработана с большой тщательностью и принята без возражения Комиссией в 1976 году после длительной дискуссии, и что было бы неуместно ставить ее под сомнение.

13. Другая группа мнений подвергала сомнению существование такой категории, как преступления государств. Было отмечено, что многие международно-противоправные деяния, которые можно было бы присвоить государству, разнообразны по масштабу, в зависимости от предмета нарушенного обязательства, значения, которое международное сообщество придает этому обязательству, двустороннему или иному характеру обязательства и обстоятельств, в которых произошло нарушение обязательства, и что, когда противоправное деяние связано с нанесением телесных повреждений какому бы либо лицу или ущербу собственности в достаточно больших масштабах, чтобы побудить к действию международное сообщество, использование слова "преступление" является обычным в повседневном лексиконе, а также в других политических и юридических условиях. С учетом этого можно поставить под сомнение четкое различие между преступлениями и деликтами. Предлагаемое различие между категориями международно-противоправных деяний также считается неуместным в связи с тем, что, по всей очевидности, оно не находит отражения в их соответствующих последствиях.

14. Некоторые члены отметили, что, хотя можно приводить доводы в пользу континуума в рамках единого режима ответственности, распространяющегося от мелких нарушений, с одной стороны, спектра до исключительно серьезных нарушений, с другой стороны, континуума, отмеченного, главным образом, количественным отличием, споры между сторонниками теории континуума и теми, кто хотел бы включить в проект отдельную категорию исключительно серьезных противоправных деяний, будут бесконечными, поскольку количественные отличия могут после определенного предела перейти в качественные.



ii) Вопрос о правовой и политической основе концепции преступления

15. Согласно одной группе мнений, концепция преступления закреплена в позитивном праве и в реальности международной жизни. Эта концепция рассматривается как имеющая самоочевидную политическую основу, поскольку современная история пестрит примерами преступлений, прямо или косвенно вменяемых в вину государству. Кроме того, она описывается как относящаяся к сфере действующих законов, поскольку некоторые деяния, такие, как геноцид и агрессия, рассматриваются международным сообществом в целом как посягающие на основные права, а в случае геноцида и апартеида были квалифицированы преступными в международных конвенциях. Подчеркивалось, что в общем элементы международного преступления возникли из судебной практики, практики государств и постановлений международных трибуналов. В этой связи была сделана ссылка на деятельность Нюрнбергского и Токийского трибуналов и на решение Международного Суда по делу *Barcelona Traction* 13/. Со ссылкой на это решение внимание было обращено на различие между преступлением и нарушением обязательства *erga omnes*: было подчеркнуто, что суд не ограничивается тем, что говорит об обязательствах *erga omnes*; он делает акцент на "важности затрагиваемых прав", указывая тем самым, что имеет в виду особо серьезные нарушения (такие, например, как агрессия, геноцид, посягательство на основные права человеческой личности), а не на "обычные правонарушения", каким являлось бы посягательство на право транзитного прохода в международном проливе, которое, тем не менее, также возлагает на прибрежное государство обязательство *erga omnes*. Хотя некоторые члены считали, что понятие преступления государств не существует в действующих законах, они, высказав при этом некоторые предостережения, заявили о своей готовности согласиться с тем, что некоторые деяния, которые могут быть совершены лишь государствами, квалифицировались в качестве преступлений. Однако в этом отношении было высказано предостережение на том основании, что если Комиссия отважится заняться областью *lex ferenda*, то будет весьма трудно обозначить пределы различных вариантов.

16. Согласно другой группе мнений, концепция преступления не содержится в действующих законах, поскольку не существует никакого документа, обязывающего государства признать это. Аргументы в пользу этой концепции, вытекающие из положений *jus cogens* Венской конвенции о праве международных договоров, считаются неубедительными прежде всего по той причине, что отсутствие юридического значения для других сторон или ничтожность *ab initio* соглашения или договора, заключенного недобросовестно или в нарушение *jus cogens*, не обязательно влечет за собой квалификацию деяния или документа в качестве криминального, а также, что включение понятия *jus cogens* в Конвенцию 1969 года было обусловлено признанием компетенции Международного Суда. В равной степени неубедительными были аргументы, вытекающие из консультативного заключения Международного Суда относительно *Reservations to the Genocide Convention* 14/

---

13/ *Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited, judgment, I.C.J. Reports 1970, p. 32.*

14/ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1951, p.23.*

(которое предполагает, что некоторые положения Конвенции стали неотъемлемой частью международного права) или из дела *Barcelona Traction* с учетом того, что признание концепции нарушения *erga omnes* не равнозначно признанию существования новой качественно отличной категории деяний *contra legem* или оспариванию различия между гражданской и уголовной ответственностью. Было также отмечено, что вопрос об уголовной ответственности государств не ставится ни в документах, касающихся капитуляции Германии и Японии, ни в Протоколах 1977 года к Женевским конвенциям. Другие аргументы включали (1) замечание о том, что целый ряд государств недвусмысленно отвергли концепцию преступления как не имеющую основы в действующем законодательстве и что поэтому введение предлагаемого различия может не расширить, а сузить возможности как можно более широкого признания проекта и (2) замечание о том, что создание *de lege ferenda* категорий нарушений отличного характера подорвало бы эффективность концепции нарушения *erga omnes*.

iii) Тип ответственности, возникающей в результате нарушений, характеризующихся в качестве преступлений в статье 19 Части первой проектов статей

17. Вопрос о том, может ли у государства возникнуть уголовная ответственность, породил различные мнения.

18. Согласно некоторым членам Комиссии, следует отказаться от идеи возложения уголовной ответственности на государства, поскольку государство не может быть приравнено к своему правительству или группе людей, которой в какой-либо данный момент поручено ведение его дел. По мнению этих членов Комиссии, преступления совершаются отдельными лицами, которые используют территорию и ресурсы государства для совершения международно-противоправных деяний в своих собственных преступных целях. В этих условиях внимание было обращено на требование *mens rea* – требование, которое, как было заявлено, должно отличаться от процедуры присвоения ответственности, а именно правовой ситуации, в которой для целей обеспечения должной компенсации за причиненный ущерб вышестоящему должностному лицу не было позволено избежать ответственности за компенсацию; не было возможным присвоить *mens rea* одного лица другому, и тем более отдельного лица юридическому образованию, такому, как государство. Кроме того, была сделана ссылка на выражение "*societas delinquere non potest*", согласно которому государство, включая его народ в целом, не может быть субъектом уголовного права и было высказано мнение о том, что, согласно принципам уголовного права весьма сомнительно, чтобы административный орган в качестве юридического лица можно было рассматривать таким образом. Было подчеркнуто в этой связи, что во многих законах отсутствуют положения относительно вины юридических лиц или соответствующих наказаний. Другие комментарии включали (1) замечания о том, что требования, предусмотренные в выражении *nullum crimen nulla poena sine lege* (а именно, во-первых, о существовании точных норм и объективных критериев для определения того, является ли деликт преступлением и, во-вторых, о санкциях, имеющих характеристики наказания по уголовному праву) не были удовлетворены на данной стадии и (2) замечание о том, что если принять концепцию государственного преступления, то положение государства будет подорвано, а с таким результатом будет трудно согласиться весьма реалистично настроенному международному сообществу.

19. Возложение уголовной ответственности на государство считалось также нереальным в отсутствие правового органа, имеющего функцией судить и наказывать государства. В этой связи было указано, что юрисдикция Международного Суда, единственного постоянного судебного органа для разрешения споров в международном сообществе, основано на добровольном признании и что Совет Безопасности располагает главным образом полицейскими полномочиями, которые ни в коем случае не являются полномочиями суда.

20. Была высказана также обеспокоенность в связи с тем, что возложение на какое-либо государство уголовной ответственности бросает тень на весь народ этого государства и по сути является коллективным наказанием 15/.

21. По мнению других членов, идея ответственности государств за преступления не вызывает трудностей концептуального порядка: действительно, можно легко представить себе понятие, эквивалентное понятию преступного замысла (*mens rea*) в случае деяний, присваиваемых государствам. В этой связи было сделано замечание о том, что, хотя уголовная ответственность – это прежде всего ответственность индивидуальная, она может под влиянием развития права стать ответственностью коллективной, и что в некоторых условиях и обстоятельствах признание уголовной ответственности юридического лица является скорее прогрессом, нежели регрессом права, о чем свидетельствует недавняя эволюция некоторых национальных правовых систем. В этой связи было указано, что выражение *societas delinquere non potest* находит все меньше и меньше последователей, в частности, если учесть такое экономическое и финансовое преступление, как, например, отмывание денег: в подобных случаях наиболее тяжкие уголовные деяния государств вызывают соответствующую репрессивную политику, характер которой, оставаясь карательным, не может быть наказанием по приговору, как, например, в отношении отдельных лиц, виновных в совершении преступлений. В этой связи внимание было обращено на "политические" меры (перечисленные в пункте 66 ниже), которые могут быть приняты против государства, совершившего преступление.

22. Было также указано, что возможности какого-либо государства причинить вред всему международному сообществу в целом являются в настоящее время столь большими, что нельзя позволять обществу перекладывать ответственность за преступление, совершенное от его имени, на отдельных лиц и что поэтому должно быть сохранено понятие государственного преступления, даже если коллективные санкции против соответствующего государства, применение которых может повлечь за собой этой преступление, рискуют нанести ущерб всему населению государства, а не только его руководителям 16/. Кроме того, сторонники этой идеи добавляли, что история богата примерами преступных государств, и нет никаких причин для того, чтобы не говорить об этом во весь голос.

---

15/ Мнения по этому вопросу отражены более подробно в подразделе, посвященном последствиям преступлений (см. пункты 66–72 ниже).

16/ Ibid.

23. Другая группа членов Комиссии, соглашаясь с тем, что вопрос об уголовной ответственности государства является крайне деликатным и, в частности, вызывает проблему коллективной ответственности, считали тем не менее, что отражаемое выше разнообразие мнений неуместно в нынешних условиях, поскольку Комиссия не намеревалась в 1976 году вводить уголовную ответственность государства и использование термина "преступление" ни в коей мере не предрешает ответ на вопрос о том, каковым является содержание ответственности за международное преступление. В связи с этим было сделано замечание о том, что ответственность государства по международному праву не является ни уголовной, ни гражданской: она является просто международной, иной и особой. Ее особенность проявляется, в частности, в том факте, что некоторые международно-противоправные деяния вместо того, чтобы порождать лишь ответственность государства, порождают, кроме того, индивидуальную ответственность авторов преступлений, которые не могут скрыться за иммунитетом, которыми они наделены в силу своих функций.

iv) Функция концепции преступления – возможные альтернативные подходы

24. Согласно одному из мнений, понятие преступления имеет особое предназначение – освободить правовые нормы об ответственности государств от двусторонности и в случае особо серьезных деяний наделить международное сообщество, действующее либо в рамках учреждений, либо через отдельные государства, возможностью действовать в защиту прав и интересов потерпевшего государства. В этой связи было сделано замечание о том, что в случае международного преступления потерпевшей стороной является сообщество государств как отдельное юридическое образование и что концепция международного преступления помогает международному сообществу приобрести статус почти публичного юридического органа.

25. Согласно другому мнению, отличие преступления от деликта не является необходимым или уместным в проектах статей об ответственности государств, цель которых не наказать государство, а потребовать от них компенсировать причиненный ущерб. Было сделано замечание о том, что если признается необходимым освободить международное сообщество от последствий принципа двусторонности, концепция международного преступления не является необходимой и достаточной: она не является необходимой, поскольку нет никаких оснований для того, чтобы выдвигать идею о наказании, неизбежно связанном с идеей преступления, и она не является достаточной, поскольку она не может решить вопрос о категории нарушений *erga omnes* в целом. Было также указано, что озабоченность, лежащая в основе концепции государственного преступления, уже весьма утратила свою актуальность после 1976 года в связи с окончанием холодной войны, смягчением напряженности между Севером и Югом и отступлением апартеида и колониализма.

26. Некоторые члены Комиссии оспаривали необходимость использовать какой-либо описательный термин для того, чтобы снять озабоченность, лежащую в основе статьи 19. Так было сделано замечание о том, что проведение различия по степени серьезности означает проведение различия по признаку вины, концепции, от которой, как было указано, не следует отказываться в случае деликтов и которая должна играть важную роль в случае преступлений.

27. Другой предлагаемый подход состоял во включении в проект концепции обязательств *jus cogens* и в проведении различия между нарушением обязательства *jus cogens* и другими менее значимыми международно-противоправными деяниями, подход, который потребует а) строго следовать формулировке положения о *jus cogens* статьи 53 Венской конвенции о праве международных договоров (без использования каких-либо дополнительных описательных терминов и без введения каких-либо пояснительных перечней примеров, для которых, возможно, отсутствует должная поддержка в действующем законодательстве) и б) указать, какие средства правовой защиты можно использовать при нарушении обязательства типа *jus cogens* помимо тех, которые требуются при других противоправных деяниях. Другие члены Комиссии, признавая заманчивость этого подхода, подчеркнули, что все преступления являются нарушением норм *jus cogens*, и напротив, принцип *pacta sunt servanda* можно рассматривать как норму *jus cogens*, однако не все нарушения *pacta sunt servanda* являются преступлениями.

28. По мнению некоторых членов Комиссии, можно также подробно разработать последствия нарушений обязательств *erga omnes* и тем самым освободить проекты статей от двусторонности. Однако в отношении этого подхода были высказаны сомнения на том основании, что не все обязательства *erga omnes* являются столь важными для международного сообщества, что их нарушение может систематически рассматриваться как преступление.

29. В конечном счете внимание было обращено на возможность рассмотрения этого вопроса с точки зрения ответственности государств за международные преступления, с одной стороны, и уголовной ответственности отдельных лиц за преступления, с другой стороны. В этой связи была сделана ссылка на принятую в первом чтении статью 5 проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, которая предусматривает, что судебное преследование какого-либо лица за преступление против мира и безопасности человечества не освобождает государство от ответственности по международному праву за действие или бездействие, вменяемое этому государству.

v) Определение, содержащееся в статье 19 Части первой проектов статей

30. Некоторые члены Комиссии считали эту статью неудовлетворительной. Было указано, в частности, что текст является слишком общим и не предлагает реального определения преступлений; что он подчеркивает степень серьезности деяния, которое характеризуется в качестве преступления, но не определяет предел тяжести, при которой деликт становится преступлением; что в ней говорится о важном обязательстве, но не определяются его условия; и что в ней не учитывается преднамеренность или концепция вины, хотя они неотделимы от концепции преступления. Была высказана озабоченность в связи с тем, что в ее нынешнем виде и с учетом ее эволюции статья 19 подразумевает, что государство должно нести бремя правовых последствий международного преступления, совершенного ранее, даже если перестали существовать политические, социальные или человеческие условия, при которых это международное преступление было совершено.

31. Другие члены Комиссии считали, что нынешняя формулировка должным образом выражает лежащее в ее основе намерение ясно показать, что большинство нарушений могут рассматриваться в рамках двусторонних отношений двух непосредственно заинтересованных государств, в то время как другие нарушения являются столь серьезными, что они затрагивают все международное сообщество в целом. По их мнению, совершенно правильно, что статья была составлена в общих терминах. В этой связи было сделано замечание о том, что проекты статей посвящены исключительно вторичным нормам, что соответственно принцип *nullum crimen sine lege* не применяется в данных условиях и что определение различных преступлений должно быть сделано в других документах. Было также подчеркнуто, что концепция международного преступления изменилась и что желательна гибкая формулировка, которую можно приспособить к возможным расширениям категорий преступлений. В этой связи была сделана ссылка на формулировку, определяющую компетенцию Совета Безопасности. В то время как некоторые члены Комиссии подчеркнули положительные стороны нынешней структуры статьи 19 (общее положение и неисчерпывающий перечень), другие считали, что перечень примеров должен быть переведен в комментарий.

32. В отношении пункта 2 некоторые члены Комиссии заявили, что он правильно отражает три основных критерия, которые должны применяться при определении преступления, а именно 1) нарушение, затрагивающее основополагающие интересы международного сообщества и поэтому выходящее за рамки двусторонних отношений; 2) нарушение, которое является серьезным как в количественном, так и в качественном выражении, и 3) признание международным сообществом того обстоятельства, что нарушение является преступлением, причем это признание должно основываться как на опыте, так и на практике. Что касается утверждения о том, что данная формулировка носит тавтологический характер, то, как было подчеркнуто, такое же замечание можно было бы высказать об определении *jus cogens* или общепризнанном определении обычая (т.е. общей практики, признанной в качестве нормы права). Аналогичным образом было высказано замечание о том, что субъективный критерий, вытекающий из того факта, что нарушение было "признано" в качестве преступления, не в большей степени открыт для сомнений, чем критерий признания цивилизованными нациями общих принципов права, как указано в статье 38 Статута Международного Суда, и что концепция преступлений, "признанных" международным сообществом в целом, изложена в перечне, содержащемся в пункте 3.

33. Другие члены Комиссии подчеркнули, что тщательно разработанная формулировка пункта 2, основывающаяся в большой степени на терминологии компромиссных положений статьи 53 Венской конвенции о праве международных договоров, касающихся норм *jus cogens*, носит весьма опосредствованный характер. В отношении требования о том, что нарушение должно быть признано в качестве преступления международным сообществом, было отмечено, что уголовное право пронизано субъективностью: порицание, которое вызывает у общественности совершение какого-либо деяния, каким бы отвратительным оно ни было, никогда не бывает одинаковым даже в каком-либо национальном обществе, разделяющем одни и те же ценности, а в неоднородном с точки зрения культурных традиций международном сообществе элемент субъективности является даже в большей степени очевидным. Таким образом, как указывалось, можно было бы поставить вопрос, пусть даже всего лишь с моральной точки зрения, о том, почему "небольшая агрессия", которая привела к

относительно незначительному уничтожению имущества и смерти нескольких ни в чем не повинных людей, должна иметь дополнительные последствия с точки зрения санкционированных контрмер с применением оружия, тогда когда такие контрмеры, как можно предположить, не будут разрешены в случае широкомасштабного геноцида.

34. В отношении пункта 3 некоторые члены Комиссии придерживались точки зрения о том, что содержащийся в нем перечень все же является удовлетворительным при условии пересмотра формулировки подпункта d) пункта 3, которая характеризовалась как противоречивая, а также при условии внесения некоторых редакционных изменений в подпункт b) пункта 3, с тем чтобы привести его текст в соответствие с реалиями современных международных отношений, особенно после ликвидации колониализма. По первому моменту было высказано замечание о том, что случай, предусматриваемый в подпункте d), носит несколько нереалистичный характер, поскольку трудно считать, что загрязнение атмосферы или морей может затрагивать человечество в целом, если не будут приняты меры, пусть даже на региональном уровне; кроме того, также отмечалось, что квалификация загрязнения атмосферы или морей в качестве преступления носит несколько преждевременный характер с учетом того, что действия, приводящие к трансграничному загрязнению, только начинают рассматриваться как международно-противоправные деяния. Хотя некоторые из данных членов Комиссии предложили Комиссии противодействовать попыткам расширить этот перечень преступлений, было высказано мнение о том, что в него следовало бы включить преступления, связанные с торговлей наркотиками.

35. Некоторые члены Комиссии расценили текст пункта 3 как имеющий ряд недостатков. В частности, было высказано мнение о том, что он посягает на различие между первичными и вторичными нормами, а это отражает сомнительную правовую технику, поскольку в нем приводятся примеры, которые в действительности должны быть приведены в комментарии и как таковые, вероятно, будут быстро устаревать из-за того, что содержащийся в нем перечень будет объектом меняющихся со временем точек зрения. В этом контексте упоминался подпункт b) пункта 3. Еще одно замечание состояло в том, что в тексте в действительности не говорится того, что, представляется на первый взгляд: видимо, в нем говорится о том, что перечисленные вопросы и приведенные примеры фактически являются преступлениями государств; однако, поскольку его текст начинается выражением "с соблюдением пункта 2 и в соответствии с действующими нормами международного права", проверку, предусмотренную пунктом 2, еще предстоит провести, а действующие нормы международного права еще предстоит определить. Внимание также обращалось на трудности, связанные с составлением неисчерпывающего перечня, который тем не менее предусматривает ряд категорий.

36. Некоторые члены Комиссии отметили, что термин "преступление" может стать излишним источником затруднений с учетом его уголовно-правовых оттенков, и предложили заменить его более нейтральным выражением, например "нарушение, имеющее чрезвычайно тяжкий характер", "особо тяжкое международно-правовое деяние", "очень серьезный международный деликт" или "международно-правовое деяние, имеющее чрезвычайно тяжкий характер".

37. Некоторые члены Комиссии, хотя и не настаивая на сохранении любой ценой термина "преступление", выразили сомнение в целесообразности предложенных терминологических изменений. Подчеркивалось, что термин "преступление" имеет психологическое преимущество в том, что он указывает на исключительно серьезный характер соответствующего нарушения и может оказывать сдерживающее воздействие на поведение государств. Было также отмечено, что это слово является традиционным, поскольку оно используется, например, в Конвенции 1948 года о предупреждении преступления геноцида и наказании за него и ему также отдано предпочтение перед термином "правонарушения" в проекте кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Хотя признавалось, что проект кодекса касается уголовной ответственности отдельных лиц, а не государств, особо подчеркивалось то обстоятельство, что поведение, которое будет квалифицировано как преступное в соответствии с кодексом, тесно соответствует *ratione materiae* нарушениям обязательств, которые были названы международными преступлениями в нынешнем проекте. Поэтому было выражено сомнение в целесообразности замены термина "международные преступления" более извилистым и неясным термином "исключительно серьезные противоправные деяния" или его вариантами.

38. Несколько членов Комиссии отметили, что терминологическое изменение не устранило расхождения во мнениях тех, кто считает, что международно-противоправные деяния являются частью континуума и тех, для кого различие между преступлением и деликтом призвано отразить различие в видах.

b) Вопросы, которые, по мнению Специального докладчика, относятся к разработке режима ответственности государств за преступления

i) Кто устанавливает факт совершения преступления?

39. Некоторые члены Комиссии высказали точку зрения о том, что вопрос о том, кто будет нести ответственность за установление факта совершения преступления, имеет основополагающее значение в создании режима международной ответственности за преступления. Было отмечено, что Комиссия сталкивается с почти непреодолимой трудностью в том, что орган, несущий ответственность за установление с учетом обстоятельств того, действительно ли государство совершило преступление, будет центральным в таком режиме.

40. Другие члены Комиссии подчеркнули, что эта проблема, какой бы серьезный характер она ни носила, также возникает в случае обычных деликтов, а это не помешало Комиссии разработать режим ответственности за совершение деликтов. Было также отмечено, что вопрос о том, кто устанавливает факт совершения преступления, не имеет никакого значения в контексте Части второй проектов статей и входит исключительно в сферу Части третьей.

41. Некоторые члены Комиссии отметили, что при решении этого вопроса нельзя игнорировать нынешнее несовершенное состояние международного сообщества. Хотя признано, что наряду с "относительным обществом", основывающимся на координации между его частями, которые с правовой точки зрения являются равными, развивается более прогрессивная структура международного сообщества, и, хотя особо выделяется позитивная



роль, которую играют Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности и Международный Суд, нынешняя организация международного сообщества, как считается, не предусматривает другого пути, кроме как оставить вопрос об установлении факта совершения преступления на усмотрение каждого государства. Хотя такое положение дел считалось данными членами Комиссии далеким от идеального, некоторые из них привлекли внимание к существованию "сетей безопасности". В частности, подчеркивалось, что любое государство, которое приняло решение о том, что было совершено международное преступление, будет делать это на свой страх и риск и что такое решение всегда может быть опротестовано обвиняемой стороной.

42. Другие члены Комиссии сочли затруднительным согласиться с тем, что, за исключением случая самообороны 17/, следует оставлять на усмотрение каждого государства, включая потерпевшее государство, установление факта совершения преступления с учетом принципа *ne mo iudex*. Они считали крайне необходимым зарезервировать эту прерогативу за каким-либо международным судебным органом, который был бы беспристрастным и независимым. Было предложено включить этот основополагающий принцип в той или иной форме в данные проекты статей. Было также предложено разработать систему, с помощью которой факт совершения преступления устанавливался бы органом, представляющим международное сообщество, которым могла бы быть, например, группа государств – участников будущей конвенции об ответственности государств.

43. Некоторые члены Комиссии сочли данный подход нереалистичным и призвали Комиссию не стремиться решать задачу, имеющую огромное политическое значение и заключающуюся в создании нового слоя всемирных учреждений, занимающихся вопросами ответственности государств. Были высказаны сомнения в отношении возможности создания в обозримом будущем какого-либо судебного органа, который имел бы общепризнанную юрисдикцию, на рассмотрение которого передавались бы дела в единообразном порядке и который выносил бы свои решения на основе последовательной совокупности судебных решений.

44. Роль органов Организации Объединенных Наций в этой области рассматривается в пунктах 73–91 ниже.

---

17/ В этом контексте особо подчеркивалась необходимость утвердить концепцию самообороны с помощью материальных, формальных и процессуальных норм, которые должны быть определены в свете резолюций Организации Объединенных Наций, ее Устава и всей совокупности обычных и договорных норм.

ii) Возможные последствия установления факта преступления

a) Существенные последствия

45. Согласно широко распространенному мнению, различие между деликтом и преступлением

качественно влияет на существенные последствия этих двух категорий международно-противоправных деяний, поскольку последняя из упомянутых приводит к нарушению нормы, являющейся крайне важной для защиты основных интересов международного сообщества. Существует, однако, противоположное мнение по этому вопросу (см. пункт 47 ниже).

46. Что касается средств правовой защиты, имеющихся у государства, пострадавшего от преступления, то не установлено никакого различия между деликтами и преступлениями в том, что касается прекращения.

47. По вопросу о *reparation lato sensu* позиции были различными. Согласно одной точке зрения, различие между преступлением и деликтом не имело значения, а примеры, приведенные Специальным докладчиком для доказательства противоположной точки зрения, явились неубедительными, поскольку они касались либо прекращения или гарантии неповторения, либо осуществления Советом Безопасности его обязанности по поддержанию международного мира и безопасности, или в случае территориального раздела, – нарушения норм современного международного права о территориальной целостности, самоопределении и о правах человека; различие между преступлением и деликтом также рассматривалось как не имеющее значения в том, что касается запрещения требований, которые наносили бы ущерб достоинству соответствующего государства, поскольку не может быть большего оскорбления достоинства государства, чем осуждение и наказание его руководителей, что уже предусмотрено в статье 10. Преобладающее мнение, однако, состояло в том, что существенные последствия преступлений, в том что касается возмещения и сатисфакции, качественно отличаются от последствий деликтов.

48. По вопросу о реституции натурой ряд членов Комиссии высказали мнение о том, что следует исключить преступления из сферы применения ограничений, установленных в статье 7 с) и d), поскольку они наносят ущерб международному сообществу в целом и нарушают императивную норму международного права. Некоторые члены Комиссии, с другой стороны, указывали, что не следует отступать от ограничения чрезмерной обременительности, с тем чтобы оградить от излишних страданий население государства, совершившего преступление. Говорилось также о том, что государству, пострадавшему от преступления, не следует предоставлять выбор между реституцией в натуре и компенсацией, если только реституция в натуре не оказывается материально невозможной или же влечет за собой нарушение *jus cogens*.

49. Что касается сатисфакции, то комментарии касались в основном 1) суда над лицами, несущими ответственность, 2) требований, которые могли бы нанести ущерб достоинству соответствующего государства, и 3) штрафных убытков. По первому вопросу было высказано мнение, что в случае преступлений можно было бы возбуждать судебное преследование без согласия государства-нарушителя, несмотря на положения пункта 2 статьи 10 относительно деликтов. Что касается запрещения требований, которые наносили бы ущерб достоинству соответствующего государства, то было высказано мнение о том, что указанное не должно применяться в случае преступлений, поскольку государство, совершающее преступление, само унижает себя по своей воле и, следовательно, его нечего щадить от дальнейшего унижения. Штрафные убытки рассматривались некоторыми членами Комиссии, которые выступали по этому вопросу, как необходимый элемент любого режима возмещения за преступления. Вместе с тем было обращено внимание на значительные проблемы, которые возникают в связи со штрафными убытками, особенно когда основной жертвой преступления, совершенного государством, является население.

50. Что касается заявителей иска, упоминалось о том, что в конечном итоге может появиться множество пострадавших государств: в таком положении, как заявлялось, необходима координация в деле представления исков и, возможно, потребуется установить специальные процедуры представления и рассмотрения исков.

51. Кроме того, некоторые члены Комиссии считали, что в случае преступлений возмещение должно предоставляться не только государству, которому был нанесен материальный урон, а также, в более широком смысле, международному сообществу. В этой связи было заявлено, что, поскольку все еще не имеется организованного международного сообщества, настоятельно необходимо, чтобы государства имели право на возмещение не *uti singuli*, а в рамках определенной координации между государствами – участниками будущего договора об ответственности. Что касается предложения о том, чтобы Генеральная Ассамблея или Совет Безопасности добивались возмещения от имени государств, то такое предложение рассматривалось как чуждое механизму Устава. Хотя допускается возможность обращения к Генеральной Ассамблее или Совету Безопасности за консультативным мнением, говорилось, что в этом случае не будет вставать вопрос о судебном средстве правовой защиты.

b) Инструментальные последствия (контрмеры)

- Условия законного применения контрмер в случае преступлений

52. Некоторые члены Комиссии разделяли точку зрения Специального докладчика о том, что правомочность прибегать к контрмерам должна быть ограничена менее жесткими условиями в случае преступлений по сравнению с деликтами. В частности, указывалось, что чрезмерным было бы требовать от государства, которое считает, что оно является жертвой преступления, сопровождать свою реакцию предложением о мирном урегулировании. Другие члены высказывали иное мнение. Указывалось, что недавно ряд государств приняли экономические меры по своей собственной инициативе до того, как была предпринята какая-либо попытка решить вопрос путем механизма урегулирования споров, и что если бы не было поспешных осуждений и экономических контрмер, то вполне можно было бы найти мирное и достойное решение конфликта.

53. Члены Комиссии, которые выступали по вопросу о принципе соразмерности, в целом считали, что этот принцип должен учитываться при реагировании на преступления. Согласно одному мнению, это означает, что в области контрмер, как и в других областях, различие между преступлением и деликтом не имеет значения. Указывалось, что неприменение принципа соразмерности в случае преступлений могло бы означать, что государство, несущее ответственность за преступления, не будет наказано так сурово, как это должно быть.

54. Что касается запрещенных контрмер, члены Комиссии, которые выступали по этому вопросу, в целом согласились относительно необходимости строгого соблюдения запрещения применения силы и выразили озабоченность относительно того, что к предложениям, использовавшимся в прошлом для применения силы, могут быть добавлены новые. В этом отношении подчеркивался примат Устава. В этой связи было отмечено, что именно Устав, а не категория преступлений, в конечном итоге будет обосновывать или, наоборот, лишать оснований силовую реакцию и что хотя толкование соответствующих положений Устава является различным, в частности, по вопросу гуманитарного вмешательства, тем не менее категория соответствующих преступлений не использовалась в качестве решающего элемента всякий раз, когда было установлено, что такое вмешательство являлось допустимым.

55. В более широком плане было высказано мнение о том, что не следует исключать случаи индивидуальной реакции, приводящей к нарушению нормы *jus cogens*. В этой связи было отмечено, что признание концепции преступления не означает признание абсолютного и неограниченного права ответного удара или *lex talionis*, и что мир недавно являлся свидетелем интервенции вслед за преступлением, хотя интервенция никогда не признавалась международным сообществом законной, поскольку для того, чтобы положить конец преступлению, потерпевшее государство вынуждено было в свою очередь прибегать к нарушению императивной нормы международного права.

56. В этой связи было высказано мнение о том, что следует проводить различие и между контрмерами, допустимыми в случае преступления, с одной стороны, и в случае, когда нет преступления, а имеется нарушение обязательства *jus cogens*; различие должно быть проведено между контрмерами, которые являются допустимыми по применимому многостороннему или даже двустороннему договорному режиму (Устав или иные документы), и случаями, когда не имеется какого-либо применимого договора, предписывающего, какие контрмеры могли бы быть приняты в случае нарушения обязательства, или содержащего положения о мирном урегулировании споров. Указывалось на необходимость предусмотреть, в отсутствие применимого договорного режима, определенное регулирование контрмер, которые могли бы быть приняты в случае, когда имеются основания полагать, что государство нарушило многостороннее обязательство.

57. Что касается несиловых контрмер, то мнение Специального докладчика о том, что их можно было бы ужесточить по сравнению с теми, которые применяются к деликатной ответственности, считалось правильным, несмотря на относительную расплывчатость его выводов по этому вопросу.

58. Был подробно обсужден вопрос о том, должна ли возможность реагирования на преступление распространяться также на индивидуальные государства помимо потерпевшего государства. Было высказано мнение о том, что этот вопрос не относится к делу, поскольку в этом отношении, как и в других случаях, может встать вопрос о различии между преступлением и деликтом, если речь пойдет о нескольких государствах, потерпевших от какого-либо международно противоправного деяния, независимо от его серьезности. Однако преобладало мнение о том, что вышеупомянутый вопрос является вполне уместным, имея в виду, что преступление по своему определению представляет собой нарушение erga omnes обязательства, которое ставит под угрозу основные интересы международного сообщества в целом.

59. Некоторые члены Комиссии предупредили, что не следует столь легко уравнивать положение "косвенно потерпевших государств" с положением непосредственной жертвы. В этой связи было высказано мнение о том, что совершение преступления не наделяет другие государства, помимо государства-жертвы, статусом потерпевшего государства для целей использования контрмер, и что индивидуальные государства, помимо потерпевшего государства, не могут предпринять удар в ответ на преступление, если только не было коллективного реагирования, иначе в противном случае концепция преступления превратится в подтверждение существующих силовых отношений. Возможность реагирования, как заявлялось, должна принадлежать в основном международному сообществу 18/. В этой связи была с удовлетворением отмечена недавно появившаяся тенденция превращения концепции международного сообщества из нечто абстрактного или мифа в реальное понятие и историю, как и растущая роль неправительственных организаций в размывании концепции национального суверенитета в вопросах элементарной гуманности.

60. Другие члены Комиссии указали, что международное сообщество плохо подготовлено для борьбы с международными преступлениями государств, и что в настоящее время не существует международного органа, который был бы ясно уполномочен реагировать на все категории международных преступлений, так что реагирование на преступление будет продолжать оставаться вопросом, который придется решать индивидуальным государствам. Соглашаясь, что существующее положение отнюдь не является удовлетворительным, некоторые члены Комиссии отметили, что запрещение применения силы, принцип мирного урегулирования споров и принцип соразмерности представляют собой гарантии от злоупотребления.

61. В данном контексте также уместно отметить мнения, высказанные относительно возможности создания новых институтов, которые определяли бы, совершено ли преступление, как об этом говорится в пунктах 42 и 43 выше.

---

18/ Или, как более лаконично назвал один член Комиссии, - сообществу государств - участников будущей конвенции.

62. Учитывая отсутствие институционального и процедурного механизма, обладающего компетенцией реагировать на преступление от имени международного сообщества, некоторые члены Комиссии высказали мнение, что в качестве замены коллективного действия можно было бы наделить полномочием в соответствующей форме третьи государства, прямо не затрагиваемые мерами по защите интересов международного сообщества; помимо права делать представления, которым они уже обладают, они были бы правомочны принимать контрмеры, поскольку запрещение применения силы является своего рода гарантией того, что наказание не будет несоразмерно преступлению.

63. Эта идея появилась в связи с вопросом об агрессии и геноциде.

64. Что касается агрессии, было высказано мнение, что из числа государств, не заинтересованных непосредственно, необходимо выделить те, которые связаны с государством-жертвой посредством договора о военном союзе, согласно которому любое нападение на одну из сторон рассматривается как нападение на другую сторону. Такого рода договор ставит вопрос о коллективной самообороне, об условиях, форме и содержании инструментальных последствий, при которых он может быть задействован на основании Устава Организации Объединенных Наций, однако в то же время он создает опасность того, что коллективная самооборона может быть использована в чрезмерных масштабах, не поддающихся контролю со стороны международного сообщества, или же будет представлять собой нарушение норм *jus cogens*. Указывалось, что другие государства, которые не имеют правовых связей с государством-жертвой, не имеют, конечно, права ссылаться на самооборону и использовать вооруженные силы для того, чтобы прийти на помощь жертве; использование вооруженных сил в этом случае должно происходить с санкции и под контролем компетентных международных органов, в частности Совета Безопасности. Со ссылкой также на связь между самообороной и принимаемыми на международном уровне мерами по исполнению, было высказано мнение о том, что действия государства вполне могут совпадать с международными мерами, принимаемыми на основании статьи VII Устава, и что такое совпадение вполне можно истолковывать как указывающее на то, что действия Организации Объединенных Наций неизбежно затрагивают обязательства государств в отношении международных преступлений государств. В то же время отмечалось, что такое совпадение является скорее элементом случайности, нежели убежденности в том, что Организация Объединенных Наций представляет собой организованное сообщество наций.

65. Что касается геноцида, было высказано мнение о том, что все государства могут реагировать на преступление геноцида, даже если они непосредственно не затронуты этим преступлением и было указано на различие, проведенное Международным Судом по делу *Barcelona Traction*, между обязательствами государств перед международным сообществом в целом и обязательствами, вытекающими перед другим государством в области дипломатической защиты. Отмечалось, что особое значение имеет принцип *actio popularis*, согласно которому все государства имеют законный интерес в защите затрагиваемых прав. В этой связи было упомянуто о деле, представленном в Суд Боснией и Герцеговиной в марте 1993 года относительно применения Конвенции 1948 года о геноциде. В этом контексте было привлечено внимание к различию между случаем, когда государство применяет насилие против своего собственного населения, и случаем, когда геноцид совершается не только в

отношении своего собственного населения, но также и в отношении населения других государств. В ответ на вопрос, следует ли в первом случае другим государствам прибегать к контрмерам, не связанным с применением вооруженной силы, или полагаться на коллективные механизмы, было заявлено, что использование определенных контрмер (например, эмбарго на поставку оружия) является возможным при контроле со стороны коллективных механизмов, и что вопрос о гуманитарном вмешательстве с использованием вооруженных сил заслуживает тщательного рассмотрения. В отношении второго случая (геноцид, совершаемый в отношении своего собственного населения и в отношении населения других государств), был поднят вопрос о том, могут ли потерпевшие государства предусматривать гуманитарное вмешательство, а именно использование вооруженных сил. Комиссию попросили рассмотреть эти вопросы, поскольку в противном случае государства будут иметь полную свободу рук применять все еще расплывчатую концепцию гуманитарного вмешательства.

iii) Карательные последствия концепции преступления

66. Некоторые члены Комиссии подчеркнули, что, хотя понятия вины и наказания не вписываются в режим ответственности за обычные нарушения международного права, такой подход не может быть принят в случае преступлений. В этой связи упоминалось о мерах, принятых против держав оси после второй мировой войны, а также о "политических санкциях" (передача территории, военная оккупация, секвестр или конфискация активов, контроль над вооружениями, перемещение населения, демонтаж промышленных предприятий, демилитаризация и т.п.), - все это было перечислено, хотя подробно и не разбиралось, Специальным докладчиком в его пятом докладе.

67. Другие члены Комиссии указали, что наказание не является *lex lata* и что режим, установленный победителями для побежденных в 1945 году, исключался Уставом на будущее, как это видно на примере включения оговорки, содержащейся в статье 107. Они решительно выступили против идеи о том, что коалиция держав-победительниц может в одностороннем порядке и произвольно, по своему собственному политическому усмотрению, присоединить части территории государства-агрессора и выгнать его население в нарушение основных принципов гуманитарного права и прав человека и договоров, которые запрещают приобретение территории силой даже в порядке осуществления права на самооборону. В этой связи предлагалось включить в проект категорическое запрещение карательных последствий даже в случае преступлений, ставящих под угрозу территориальную целостность государства. В поддержку этого подхода указывалось, что если единственными целями являются возмездие и месть, то это приведет лишь к напряженности, и что хотя жертва действительно имеет право на возмещение и сатисфакцию, не следует по этому поводу приносить в жертву примирение. Неоднократно также подчеркивалась необходимость допускать отчуждения обвиняемого государства, которое вместе со своим населением продолжает являться частью международного сообщества.

68. Вопрос вины и ответственности населения считался в целом особенно сложным, и прозвучало предупреждение не заниматься поиском упрощенных ответов, которые не учитывали бы всю сложность отношений, существующих в данном государстве или среди государств вообще. В этой связи указывалось на геноцид, основной жертвой которого является население государства, которое проводит его.

69. Хотя некоторые члены Комиссии были согласны со Специальным докладчиком в том, что население преступного государства может быть не полностью свободным от вины, большинство членов призывали проявлять осторожность в этом вопросе. Указывалось, что слишком велико искушение заставить народ, который рукоплескал совершенному преступлению, страдать от последствий такого поведения государства, однако не следует забывать, что общественное мнение легко поддается обработке не только в странах с деспотическим режимом, но даже в демократических государствах. Ряд членов Комиссии отметили также, что карательные меры вполне могут затронуть невиновных людей, женщин и детей и даже тех членов общества данного государства, которые индивидуально или сообща выступали против указанного преступления; санкции против государства являются законными только тогда, когда они принимаются в отношении прав соответствующего народа согласно строгой процедуре и, несомненно, при условии ограничения, неизбежного признания определенной степени виновности.

70. Некоторые члены Комиссии подчеркнули необходимость установления баланса в этом вопросе. В этой связи было указано на главу VII Устава, которая, возможно, содержит в себе элементы ответа, поскольку в ней содержится требование учета экономических и других последствий для государств и их населения, санкций, устанавливаемых Советом Безопасности, и говорится о необходимости гарантий того, чтобы последствия таких санкций не являлись чрезмерными для населения указанных государств.

71. Указывалось также на возможность принятия мер, которые, хотя и являлись сами по себе наказанием, не затрагивали бы население соответствующего государства, например демонтаж военных заводов и запрещение производства определенных видов оружия, или же меры, направленные на защиту населения, например путем установления над соответствующим государством международного контроля либо по решению государств-победителей, действующих в порядке самообороны, либо посредством органа, наделенного международной юрисдикцией.

72. Некоторые члены Комиссии считали, что решение этой проблемы заключается в предании суду и наказании руководителей и официальных лиц, несущих ответственность. В этой связи, однако, было указано, что идея о том, что предание суду отдельных лиц является своего рода отягчающей контрмерой, является полностью недопустимой на том основании, что надлежащий судебный процесс относительно установления вины или невиновности отдельного лица отличается от процесса, касающегося государства, и к нему нужно подходить отдельно.



iv) Роль Организации Объединенных Наций в определении наличия и последствий преступления

73. Некоторые члены Комиссии отметили, что Организация Объединенных Наций представляет собой наиболее убедительное выражение "организованного международного сообщества" и является нормальным инструментом реагирования на преступления. Другие члены указывали, что режим Устава предлагает лишь фрагментарное решение обсуждаемой проблемы и что, независимо от ее принципов и целей, Организация Объединенных Наций не является каким-то сверхгосударством, наделенным на высшем уровне полномочиями, сравнимыми с полномочиями государства на национальном уровне; не может она также осуществлять полную гамму полномочий национального государства или же устанавливать санкции за нарушения права.

74. Хотя высказывалось мнение, что Комиссия вполне может рассмотреть вопрос о том, чтобы рекомендовать пересмотреть Устав ООН и Статут Международного Суда, а также рассмотреть ряд других институциональных новшеств, которые могли бы потребоваться для осуществления определенных основных норм, применимых к международным преступлениям государств, преобладающим было мнение о том, что Комиссии следует воздерживаться от такого курса действий, имея в виду, что ее задача состоит в кодификации и прогрессивном развитии международного права и что она не обладает полномочием наделять Организацию Объединенных Наций и ее органы новой юрисдикцией.

75. Что касается роли Совета Безопасности, члены Комиссии, которые выступали по этому вопросу, в целом проводили различие между категорией международно-противоправных деяний, о которых говорится в пункте 3 а) статьи 19 (включая агрессию), и категориями, перечисленными в пунктах 3 b), c) и d) той же статьи.

76. Что касается агрессии, замечания в основном касались роли Совета (1) в установлении наличия международно-противоправного деяния и (2) предписания соответствующих шагов.

79. Со ссылкой на эти озабоченности некоторые члены Комиссии привлекли внимание к системе сдержек и противовесов, призванной свести к минимуму риск принятия Советом откровенно противоправного решения. Кроме того, было предложено оставить возможность для опротестования любого определения Совета о существовании акта агрессии на основании нормы, которая должна быть включена в статью 19 и которая должна позволять государству, признанному агрессором, передавать данный вопрос на рассмотрение судебного органа, например Международного Суда. В соответствии с другим предложением Совет должен принимать свое определение в виде презумпции, а не окончательного заключения.

80. По второму моменту, упомянутому в пункте 76 выше, было выражено мнение о том, что Совет полномочен принимать решение о введении санкций против виновной стороны в рамках полномочий, предоставленных ему на основании главы VII Устава. В этой связи указывалось, что Совет призван играть центральную роль в связи с мерами, которые способны подорвать независимость, суверенитет или территориальную целостность государства,

совершившего преступление, и в частности в связи с мерами вооруженного характера, и что его вмешательство будет одним из условий для отмены запретов, содержащихся в статье 14. Было также выражено мнение о том, что, хотя Совет Безопасности еще никогда не принимал карательных мер, поскольку ему еще не приходилось констатировать совершение преступления или устанавливать существование акта агрессии, Устав дает ему право после того, как он определит совершение преступления агрессии, делать вывод о том, что коллективные санкции должны включать в себя карательные меры, соразмерные преступлению.

81. Другие члены Комиссии подчеркнули, что Совет не замышлялся как механизм санкций. По их мнению, Совет выполняет полицейскую функцию с целью поддержания международного мира и безопасности, он редко применял обязательные санкции, и случай с Ираком, когда Совет возложил на государства-члены обязательства, способные затрагивать их поведение, является случаем особого рода, из которого нельзя заключать, будто бы Организация Объединенных Наций в состоянии предписывать последствия, которые должны наступать в случае совершения международных преступлений, перечисленных в статье 19. В этом контексте была выражена озабоченность в связи с тем, что, хотя карательные меры преподносятся как явление, которое относится к прошлому и которому нет места в современной кодификации международного права, вместо отказа от карательных мер в деятельности Совета Безопасности может появиться тенденция к тому, чтобы маскировать такие меры под реституцию или гарантии неповторения. Комиссии предложили задаться вопросом о том, следует ли в условиях, когда суровые меры принимаются на основании "естественной реакции" мирового сообщества на государство, совершившее преступление, и когда утверждается, что такого рода реакция лежит за пределами системы ответственности, давать свое согласие на ничем не ограниченное осуществление полномочий, с тем чтобы разработать режим поддержания международного мира и безопасности, скрывающий весьма сильный карательный умысел.

82. Что касается категории международно-противоправных деяний, упомянутых в пунктах 3 b), c) и d) статьи 19, то было отмечено, что за Советом Безопасности можно презюмировать компетенцию констатировать совершение этих деяний, если они сопровождались нарушением мира по смыслу статьи 39 Устава. Некоторые члены Комиссии высказались в поддержку широкой интерпретации полномочий Совета на основании главы VII или считали возможным распространение компетенции Совета на все нарушения, которые могут быть предусмотрены в пересмотренном варианте статьи 19.

83. Однако была выражена обеспокоенность по поводу того, что попытки включить в категорию поддержания международного мира и безопасности любые другие преступления, помимо агрессии, способны вести к опасным аналогиям, сопровождающимся размыванием различий, сомнительным выводам и постановкой под вопрос полномочий Совета Безопасности. В этом контексте было отмечено, что нынешняя тенденция в направлении к существенному расширению концепции угрозы миру имеет свои пределы и что чрезмерное распространение этой концепции, вероятно, не совсем оправдано.

84. Была также выражена обеспокоенность по поводу того, что Совет Безопасности в слишком большой степени связан своей процедурой (и в частности, правом вето, которое наделяет постоянным иммунитетом по крайней мере пять стран и несколько других стран), а

следовательно, он не способен ни создать суд, ни эффективно признавать ответственность за преступление. В этом контексте были упомянуты последние события в вопросе о составе постоянных членов Совета и было отмечено, что более сбалансированное представительство различных региональных групп на основе более справедливого распределения постоянных мест, содействовало бы укреплению способности Совета Безопасности выявлять некоторые международные преступления и санкционировать коллективные карательные меры или меры самообороны от имени международного сообщества.

85. Несколько членов Комиссии затронули поставленный Специальным докладчиком в его пятом докладе вопрос о том, отражают ли резолюции 687 (1991), 748 (1992) и 808 (1993) Совета Безопасности какую-либо эволюцию компетенции Совета.

86. Члены Комиссии, которые высказались по этому вопросу, в целом ответили на него отрицательно. В частности, было указано, что каждая из вышеупомянутых резолюций посвящена вопросу поддержания международного мира и безопасности, т.е. вопросу, которым занимается Совет Безопасности. Кроме того, внимание обращалось на тот факт, что вопрос об эволюции компетенции Совета Безопасности – это вопрос интерпретации Устава, который Комиссия рассматривать некомпетентна.

87. Некоторые члены Комиссии настаивали на необходимости проводить различие между полномочиями Совета Безопасности и нормами ответственности государства. Хотя было высказано мнение о том, что Совет некомпетентен изобретать новые законы и обязан руководствоваться правом в пределах своего мандата, было также отмечено, что полномочия Совета никоим образом не обуславливаются обсуждаемыми нормами. Была выражена поддержка включению в проекты статей положения, аналогичного статье 4 Части второй, которое сохраняло бы компетенцию Организации Объединенных Наций или некоторых региональных органов в случае угрозы миру или агрессии и препятствовало бы любому расширению изъятий из запрета на применение силы. Однако были высказаны возражения против любой формулы, которая подчинит применимость статьи об ответственности государств решениям Совета или позволит не применять их в некоторых ситуациях по усмотрению какого-либо политического органа.

88. Несколько членов Комиссии выразили мнение о том, что в случае совершения преступления определенную роль должна играть Генеральная Ассамблея, поскольку, как было сказано, Генеральная Ассамблея – олицетворение совести международного сообщества. Отмечалось, что на основе статей 10 и 34 Устава Ассамблея может принимать решения практически по любому вопросу и этой возможностью пользуется весьма широко и что, хотя с точки зрения реакции на противоправные деяния, она не наделена полномочиями в области принятия решений, она посредством рекомендаций в состоянии разрешить или санкционировать поведение, которое может оказать большое влияние на вопросы, относящиеся к рассматриваемой теме. В этом контексте была сделана ссылка на многочисленные резолюции, в которых Генеральная Ассамблея заявляла о том, что народы, находящиеся под колониальным или иностранным господством, т.е. ставшие жертвой преступления согласно пункту 3 статьи 19, могут использовать все средства для борьбы с таким господством.

89. Однако упор делался на ограниченность роли Ассамблеи в рассматриваемой области с учетом того, что определение последствий преступления в первую очередь является актом судебного характера. Кроме того, несколько членов Комиссии предостерегали против втягивания Комиссии в дискуссию о полномочиях органов Организации Объединенных Наций или о сфере применения статьи 51. Было отмечено, что Совет Безопасности может санкционировать использование вооруженной силы в соответствии со статьей 42 Устава и что право на самооборону строго оговаривается в статье 51. Были выражены большие сомнения относительно возможности в современной политической обстановке приспособить нынешние полномочия органов Организации Объединенных Наций к задачам, вытекающим из статьи 19 Части первой, особенно в силу того, что это потребовало бы пересмотра основополагающих норм, что не входит в мандат Комиссии. Признавая, что Комиссия неполномочна заполнять пробелы в Уставе или пересматривать этот документ, некоторые члены Комиссии предлагали предусмотреть средства для полного использования полномочий функций органов Организации Объединенных Наций вместо исключительной опоры на главу VII и на Совет Безопасности, систематическое использование которого, по мнению одного из членов Комиссии, на практике обеспечивает лишь поверхностное решение.

90. Что касается Международного Суда, то несколько членов Комиссии подчеркнули, что конечное установление факта совершения преступления может осуществляться лишь судебным органом. В этом контексте было отмечено, что Суд может выносить решения о существовании любых нарушений международного права, включая совершение преступления, и делать необходимые заключения. Формула, принятая в Конвенции 1969 года о праве международных договоров, была сочтена единственной допустимой заменой установления самим государством факта совершения преступления.

91. Однако внимание было обращено на ограниченность юрисдикции Суда, обусловленную консенсусной основой его компетенции. Наделение Суда обязательной юрисдикцией в отношении рассматриваемых дел, как было отмечено, явится подлинной революцией в международном праве.

v) Возможное исключение преступлений из сферы применения положений об обстоятельствах, исключающих противоправность

92. Было отмечено, что с учетом определения, содержащегося в пункте 2 статьи 19 и характера *erga omnes* обязательства, нарушаемого в случае преступления, а также с учетом пункта 2 статьи 29, уже было установлено, что согласие не устраняет противоправности преступления. Что касается состояния необходимости, то внимание было обращено на пункт 2 а) статьи 33, в котором также предусмотрено изъятие в случае императивной нормы общего международного права, что решает данную проблему. Что касается форс-мажора, рассматриваемого в статье 31, то было выражено мнение о том, что эта ситуация едва ли применима к случаю преступлений, поскольку в преступлении присутствует элемент умысла.

93. Согласно одной из точек зрения, вышеприведенный анализ говорит о том, что нет никакого смысла проводить различие между преступлением и деликтом. Согласно другой точке зрения, неприменимость обстоятельств, исключających противоправность, является частью специального правового режима, применимого к преступлениям.

vi) Общее обязательство о непризнании последствий преступления

94. Некоторые члены Комиссии отметили, что типичным примером этого обязательства является захват территории. В этой связи было поставлено несколько вопросов. Во-первых, было отмечено, что, предусматривая обязательство не признавать законным захват территории в результате применения силы, Комиссия возвращается к первичной норме о запрещении применения силы против территориальной целостности и против прав народов и начинает заниматься вопросами первичных норм вопреки ее решению рассматривать в проекте об ответственности государств только "вторичные нормы". Было также отмечено, что в государственной практике захват территории в результате применения силы необязательно квалифицируется в качестве государственного преступления: обязанность не признавать такой захват является следствием не только преступлений, но и деликтов, и захват территории в результате применения силы в порядке осуществления права на самооборону, не являясь преступлением, все же представляет собой противоправное деяние, на которое должна распространяться обязанность непризнания. Другой вопрос, который был упомянут в этой связи, состоял в том, что в большинстве случаев преступное поведение преступно в силу его фактических последствий и что факты должны признаваться, тогда как вопрос заключается в том, признаются ли также юридические последствия.

95. Члены Комиссии, которые выступили по этому вопросу, пришли к мнению о том, что общее обязательство непризнания последствий преступления агрессии вытекает из решения Совета Безопасности. Однако один из них считал, что соответствующее обязательство может также приводиться в действие авторитетным заявлением Генеральной Ассамблеи.

vii) Общее обязательство не помогать государству-правонарушителю

96. Было отмечено, что данный вопрос касается соучастия и является вопросом первичного права. Один из членов Комиссии, согласившись с тем, что пассивная обязанность непризнания ограничивается некоторыми классами противоправных деяний, когда действительность принятой меры ставится под сомнение, отметил, что обязанность не оказывать помощи государству-правонарушителю, которое, по его мнению, охватывает не только преступления, но и деликты, не ограничивается деяниями, законность которых оспаривается. Другое замечание, касалось отсутствия *de lege lata* или *de lege ferenda* обязательства оказывать помощь потерпевшему от преступления.

c) Варианты действий, имеющиеся у Комиссии

97. Согласно мнению одних членов Комиссии, несмотря на трудности, порождаемые концепцией государственных преступлений, ей следует продолжить решение этой задачи и сосредоточить внимание на определении последствий наиболее тяжких международно

противоправных деяний, которые неизбежно различаются как на существенном, так и на инструментальном уровнях от последствий деликтов. Было подчеркнуто, что подробное исследование последствий преступлений, сохраняющее баланс между кодификацией и прогрессивным развитием, позволит Комиссии во втором чтении с полным пониманием данного вопроса принять решение об оправданности изначально заложенной в проект дихотомии. Исходя из этого Комиссию призвали в первоочередном порядке рассмотреть вопрос о разработке специального режима ответственности за преступления в соответствии со своим мандатом, который регулярно обновлялся Генеральной Ассамблеей с 1976 года. Была выражена уверенность в том, что, несмотря на существование других возможных альтернатив <sup>19/</sup>, Комиссия, скорее всего, выявит существенные различия в последствиях двух категорий международно противоправных деяний на основе принятия статьи 19. Было предложено, что для упрощения задачи Комиссии, ей следует наладить сотрудничество с внешними экспертами с учетом того, что любой прогресс, достигнутый в рассмотрении данной темы, может способствовать укреплению верховенства права в международных отношениях, предотвращению конфликтов и их скорейшему урегулированию.

98. Согласно другой точке зрения, Комиссии не стоит заниматься разработкой подробных положений о последствиях преступлений, учитывая весьма реальный риск того, что в конечном итоге ей не удастся разработать приемлемое определение "государственного преступления" и ей удастся выявить лишь только крайне незначительные последствия, что нанесет ущерб другим более реалистичным аспектам права и может усугубить угрозу для мира и безопасности или подорвать действенность концепция нарушений *erga omnes* в целом. Было также отмечено, что любые попытки предусмотреть возможные последствия государственных преступлений станут отходом от основной посылки, согласно которой проект должен ограничиваться вторичными нормами, поставят перед Комиссией проблемы имплементации, явятся посягательством на режим Устава и будут отвлекать внимание от важной задачи разработки удовлетворительного режима рассмотрения общих вопросов ответственности государств.

---

<sup>19/</sup> Было указано, что Комиссия может отложить решение этого вопроса до второго чтения, когда она либо решит его, либо примет решение исключить из сферы примерения проекта наиболее тяжкие международно противоправные деяния или же придет к выводам о том, что преступления не влекут за собой никаких последствий, отличающихся от последствий деликтов, в связи с чем возникнет вопрос о том, не следует ли вообще устранить статью 19, несмотря на ее идеологическую и символическую значимость.

99. Несколько членов Комиссии, призвав Комиссию воздержаться от поспешного пересмотра статьи 19, принятие которой было названо Комиссией в соответствующем комментарии "результатом, сопоставимым с тем, который был достигнут благодаря непосредственному признанию категории норм *jus cogens* при кодификации права международных договоров", согласились с тем, что в сроки, которые были установлены самой Комиссией, ей будет невозможно разработать нормы о последствиях международных преступлений, учитывая существующие сомнения по поводу проводимого в статье 19 различия между преступлениями и деликтами и с учетом недостатка соответствующей практики и чувствительного характера данного вопроса, который затрагивает суверенитет государств.

100. На процедурном уровне было предложено, чтобы Комиссия сообщила Генеральной Ассамблее о трудностях, с которыми она столкнулась, и на этапе первого чтения воздержалась от представления статей о последствиях международных преступлений, оставив за собой возможность сделать это в ходе второго чтения. Однако идея о том, что Комиссии следует обратиться за указаниями в Шестой комитет, вызвала возражение, как и предложение о том, чтобы выделить государственные преступления в отдельную тему.

101. На существенном уровне были высказаны различные идеи: так, было отмечено, что Комиссия может ограничиться упоминанием о существовании тесной связи между материальными последствиями преступлений и реакцией на эти последствия международного сообщества в целом. Другой возможный подход заключался бы в сохранении статьи 19 в измененном виде, включении в часть вторую положения, согласно которому применение проекта статей к случаям преступлений, как они определяются в статье 19, - это вопрос, который не рассматривается в настоящем проекте статей и что эти статьи не наносят ущерба такому применению в соответствии либо с Уставом, либо с общим международным правом и, наконец, в приспособлении норм части второй к государственным преступлениям в их проявлении в качестве международно-противоправных деяний. Согласно другому предложению, на данном этапе в проекте следует ограничиться разработкой норм, касающихся последствий агрессии, геноцида и апартеида.

d) Выводы Специального докладчика

102. Со ссылкой на общий вопрос о том, следует ли сохранить проводимые в статье 19 различия между различными видами международных правонарушений, Специальный докладчик отметил, что, по мнению большинства членов Комиссии, чрезвычайно серьезные нарушения международного права требуют отдельного рассмотрения в ходе первого чтения проекта: хотя некоторые члены Комиссии рассматривали этот вопрос лишь как вопрос о степени тяжести различных международных правонарушений, по мнению большинства, такая дихотомия основана на качественных различиях. С другой стороны, было выражено мнение о том, что в проекте об ответственности государств не следует рассматривать отдельную категорию "преступлений". Некоторые также предлагали отказаться в проекте вообще от каких бы то ни было различий.

103. В отношении статьи 19 Специальный докладчик отметил, что, по мнению большинства, нынешняя формулировка, несмотря на ее недостатки, должна быть сохранена при условии внесения в нее необходимых изменений во втором чтении с учетом развития практики государств и рассмотрения этого вопроса в научной литературе. Он отметил, что, несмотря на некоторые оговорки, довольно значительное число членов Комиссии, по-видимому, предпочли бы сохранить термин "преступления", однако не исключая возможность подыскания более удачной замены. Другие высказались за отказ от термина "преступление" из-за коннотации, которую он имеет в национальном уголовном праве. Некоторые предложили в качестве замены ссылку на чрезвычайно тяжкие нарушения норм *ius cogens*. Специальный докладчик также отметил, что, несмотря на общее согласие с основными элементами определения, особенно ссылкой на нарушение государством международного обязательства, имеющего насущно важное значение для гарантирования основополагающих интересов международного сообщества, большинство ораторов высказались за пересмотр перечня, содержащегося в пункте 3 статьи 19, или за его перенос в комментарий.

104. По вопросу о дальнейших действиях Комиссии Специальный докладчик отметил, что несколько членов Комиссии предложили представить Генеральной Ассамблее рассмотренный в первом чтении текст, не охватывающий последствия преступлений, обратить внимание этого органа на сомнения, высказанные многими членами Комиссии относительно возможности кодификации данного вопроса в отсутствие более удачного определения преступлений и отложить принятие решений по статье 19 и последствиям преступлений до второго чтения. Одновременно с этим он отметил, что большинство членов Комиссии, разумеется, за исключением тех, кто категорически возражает против дихотомии, заложенной в статье 19, считали целесообразным, чтобы Комиссия изучала все возможные альтернативы в рамках проектов статей для их рассмотрения, по-возможности, Редакционным комитетом на следующей сессии и рассмотрения правильности принятого решения на этапе второго чтения.

105. К вопросу о том, кто компетентен определять факт совершения преступления в данном конкретном случае и осуществлять применимый режим, Специальный докладчик отметил, что в ходе прений выявилось две группы проблем. Одна проблема, которую некоторые выступавшие, по-видимому, связывали с Частью третьей проекта, заключалась в том, какой орган будет компетентен решать возможные споры по поводу существования преступления и возложения ответственности за его совершение и принятия решения относительно законности реакции и мер, которые требовались в данной ситуации. Другая ситуация – безусловно, проблема Части второй – это вопрос о том, кто может на законных основаниях реагировать, либо требуя соблюдения существенного обязательства (прекращения, репарации, сатисфакции, гарантии неповторения), либо прибегая к мерам (контрмерам или санкциям).

106. Что касается первой проблемы, то Специальный докладчик отметил, что некоторые ораторы высказались в пользу наделения Международного Суда обязательной юрисдикцией, возможно, в дополнительном протоколе, тогда как другие поставили под сомнение это решение по причине нежелания государств обращаться в Суд для решения важных вопросов и учитывая добровольный характер юрисдикции Международного Суда. Многие ораторы подчеркнули необходимость предусмотреть судебный механизм контроля, чтобы подобный орган мог принимать решения, руководствуясь применимым правом.



107. По второй проблеме, а именно вопросу о том, кто может на законных основаниях принимать ответные меры, Специальный докладчик отметил, что по общему признанию (за исключением нескольких ораторов, которые категорически возразили против идеи разработки специального режима для преступлений), такая реакция на преступление (включая саму квалификацию преступления и возложение ответственности за его совершение) в идеальном случае должна исходить от международного органа, способного интерпретировать и реализовать "волю" международного сообщества в целом применять непосредственно или через посредство обязательных решений, адресованных государствам, последствия более или менее обязательного характера, предусмотренные международным правом. В этом контексте он серьезно усомнился в правильности представления о том, что в данный момент существует какое-либо международное сообщество. По его мнению, утверждение о том, что Организация Объединенных Наций является выражением надлежащим образом организованного международного сообщества является крайне спорным. В этой связи он отметил, что существование общего согласия о том, что международное сообщество не располагает в настоящее время или едва ли будет располагать в ближайшем будущем достаточно репрезентативным органом, которому можно было бы поручить функцию осуществления режима преступлений и организации ответных мер при условии надлежащего судебного контроля за законностью квалификации и реакции. Он далее отметил, что почти все выступающие выразили согласие с тем, что, по крайней мере в отношении преступлений агрессии или нарушения мира, система коллективного реагирования предусмотрена главой 7 Устава, хотя она и не задумывалась как средство осуществления режима ответственности и едва ли может быть приспособлена для этой цели.

108. Что касается компетенции *de lege lata* или *de lege ferenda* органов Организации Объединенных Наций при принятии ответных мер в случае преступлений, то, как отметил Специальный докладчик, большинство, по-видимому, присоединилось к высказанной им в его пятом докладе 20/ идее о том, что даже для такого преступления, как агрессия, Совет не является непосредственно компетентным органом для коллективного реагирования (например, в отношении репарации) ни с точки зрения юридических/политических критериев оценки, ни с точки зрения элементарного требования беспристрастности, которую трудно увязать с тем фактом, что так называемое право вето будет гарантировать почти полный иммунитет некоторых государств. Он отметил, что, если, с одной стороны, предусмотренный режим осуществления последствий преступлений никоим образом не будет ставить под вопрос важные полномочия Совета Безопасности в области поддержания (и восстановления) мира, едва ли будет целесообразно, с другой стороны, полагать, что Совет Безопасности может безоговорочно признаваться как компетентный орган для осуществления правового режима международных преступлений государств, особенно в отношении трех иных категорий преступлений, помимо агрессии. Он напомнил о том, что ввиду этих трудностей, некоторые из выступающих предложили либо оговорить определение преступлений гипотетическими ситуациями, с тем чтобы лучше учесть возможность принятия Советом Безопасности мер в

---

20/ A/CN.4/453/Add.3, пункты 89 и далее, особенно 102-125 и 110-115.

отношении таких преступлений, либо рассматривать отдельно преступления, относящиеся к этим гипотезам, с тем чтобы лучше учесть возможности действий Совета Безопасности в отношении таких преступлений.

109. Специальный докладчик подчеркнул, что ряд ораторов предостерегал от любого посягательства на функции Совета Безопасности, который играет политическую роль в деле поддержания международного мира и безопасности и не занимается ни предпосылками совершения преступлений, ни изложением правовых норм и наказанием исполнителя. В частности, не следует вносить какие бы то ни было изменения в Устав, с тем чтобы возложить на Совет новые функции, и в проекте необходимо указать, что его положения в отношении преступлений не наносят ущерба процедурам Устава, касающимся поддержания международного мира и безопасности.

110. Специальный докладчик далее отметил, что, хотя некоторые были склонны опираться на Совет Безопасности как единственный орган по осуществлению последствий преступлений в гипотетических случаях, охватываемых главой VII Устава, другие ораторы предложили более либеральное толкование полномочий Совета, с тем чтобы они распространялись на другие преступления, помимо тех, которые охватываются главой VII Устава, и что внимание также обращалось на желательность переоценки роли Генеральной Ассамблеи как олицетворение "совести" международного сообщества в целом.

111. Специальный докладчик отметил, что большинство участников обсуждения призывали к осмотрительности, с тем чтобы исключить возможность того, что реакция на преступления будет делом отдельных потерпевших государств (или небольших групп государств), и считали желательным коллективное реагирование либо через органы Организации Объединенных Наций – Совет Безопасности или Генеральную Ассамблею (последняя была бы компетентна заниматься всеми ситуациями, которые могут быть связаны с преступлением), либо, по мнению некоторых ораторов, других коллективных органов, которые будут созданы в будущем. Были также предложены процедуры проведения консультаций. Он также отметил, что некоторые ораторы были категорически против сохранения возможности для каких бы то ни было односторонних инициатив государств или групп государств, особенно в случае наиболее серьезных мер или санкций в отсутствие каких бы то ни было проявлений "коллективной воли", в то время как другие считали возможным оставить определенное место для односторонних мер всех государств либо в случае непринятия своевременных и эффективных мер реагирования со стороны так называемого организованного международного сообщества, либо в дополнение к таким коллективным мерам, если, однако, не будет допускаться возможность вооруженной реакции.

112. Что касается объективных аспектов последствий международных преступлений государств, а именно характера и степени отягчающих вину обстоятельств, то Специальный докладчик отметил в том, что касается материальных последствий, широкое принятие идеи о том, что не все изъятия, предусмотренные статьями 7 и 10, должны применяться в случае

преступлений: в более конкретном плане реституция в натуре будет обусловлена только *jus cogens* и ограничения, касающиеся физической невозможности, и сатисфакция могут включать не только значительные "штрафные убытки", но и меры, затрагивающие "внутренний суверенитет", внутреннюю юрисдикцию и достоинство государства.

113. Что касается инструментальных последствий, то Специальный докладчик обнаружил высокую степень согласия по поводу запрета даже в случае преступлений, вооруженных мер, за исключением, разумеется, мер, принимаемых в порядке индивидуальной или коллективной самообороны или принимаемых Советом Безопасности на основании главы VII в случае ситуаций, связанных с преступлением агрессии, которое, по его мнению, подтверждает широкую поддержку дифференцированного режима преступления агрессии в отличие от других видов преступлений, указанных в статье 19.

114. Что касается коллективной самообороны, то Специальный докладчик отметил, что, по мнению одного выступающего, в проекте следует оговорить пределы самообороны и ясно дать понять, что государство правомочно применять коллективные меры самообороны только по просьбе государства, подвергшегося нападению, или на основе договора о союзнических отношениях или региональной безопасности. Он далее отметил, что, за исключением самообороны, применение силы, по общему признанию, даже как реакция на преступление является исключительной прерогативой так называемого "организованного международного сообщества" (и в частности, Совета Безопасности), предварительная санкция которого необходима для применения силы во всех случаях, за исключением агрессии, в том числе в случаях геноцида или гуманитарной интервенции.

115. Специальный докладчик отметил, что, по мнению большинства ораторов, предусмотренные "более серьезные", но ни в коем случае не вооруженные меры по своей интенсивности не должны достигать мер, которые применяются победившей стороной против побежденного государства, и что, по мнению одного из членов Комиссии, любые меры с высокой степенью интенсивности должны зависеть от коллективного решения, действительно отражающего общие интересы соответствующих государств, тогда как любые односторонние инициативы или инициативы, исходящие от небольших групп государств, должны подлежать осуждению. Такие меры, по мнению ряда выступающих, включали в себя уголовное преследование виновных отдельных лиц, которые занимали ключевые должности в структуре государства-правонарушителя.

116. Специальный докладчик отметил, что, по мнению некоторых членов Комиссии, нарушения норм *jus cogens* в ответ на преступление (например, нарушения запрета на применение силы) не допустимы и что, по мнению ряда из них, меры против государства - автора преступления могут выходить за рамки одного лишь стремления к получению репарации с учетом нормы пропорциональности. Кроме того, некоторые ораторы подчеркнули необходимость осуждения, даже в случае преступлений, любых мер, затрагивающих территориальную целостность государства или неприкосновенность его населения.

117. Что касается населения государства-правонарушителя, то Специальный докладчик отметил, что, несмотря на необходимость избегать любых серьезных последствий для такого населения, ряд ораторов считал целесообразным допускать принятие мер, посредством которых сами люди осознавали бы опасность для них любого поведения, которое в большей или меньшей степени можно было бы назвать "соучастием" в преступных деяниях демократического или недемократического правительства или деспота.

118. Из этого Специальный докладчик сделал вывод о том, что за исключением тех немногочисленных членов Комиссии, которые принципиально возражают против юридической или политической уместности различия между деликтами и преступлениями, лишь один оратор непосредственно оспаривал существование каких-либо различий в последствиях между преступлениями и деликтами. Он также отметил существование известного единства мнений в отношении того, что общие обязательства, хотя и зависящие от решения так называемого организованного международного сообщества, о непризнании законными любых ситуаций, из которых государство-нарушитель извлекло выгоду в результате преступления, и что некоторые также признают существование общего обязательства не оказывать помощь государству-нарушителю в сохранении выгодного для него положения, создавшегося в результате совершения им преступления.

119. Была также упомянута общая обязанность "активной солидарности" с потерпевшим государством или государствами, сопряженная с обязательством добросовестно выполнять меры, согласованные международным сообществом, либо самими государствами "на совместных началах" в ответ на международное преступление какого-либо государства.

120. Специальный докладчик сделал вывод о том, что, несмотря на отсутствие каких-либо конкретных и окончательных решений, прения позволили ему получить достаточную информацию, чтобы разработать к следующей сессии предложения по поводу последствий преступлений в форме статей или пунктов части второй или третьей, которые после их обсуждения можно было бы передать в 1995 году в Редакционный комитет. Он выразил уверенность в том, что вместе с завершением уже ведущейся работы по частям второй и третьей это позволит Комиссии вовремя закончить первое чтение проекта статьи об ответственности государств.

e) Замечания по теме в целом

121. Некоторые члены Комиссии высказались по вопросу о возможном включении в проект статьи процедур урегулирования споров. Была высказана обеспокоенность по поводу того, что разработка детального режима урегулирования споров на основе предложений Специального докладчика (A/CN.4/453 и Add.1) может замедлить принятие проекта в первом чтении. Было также отмечено, что с учетом все более явной тенденции, в рамках которой государства стремятся сохранить за собой максимальную свободу действий, принцип свободного выбора средств должен быть в центре любого будущего механизма. Поэтому было предложено оставить для будущей дипломатической конференции разработку положений,

которые были бы одновременно прогрессивными и реалистичными, на основе соответствующего прецедента, созданного Конвенцией о праве международных договоров.

В этой связи было отмечено, что Комиссия, несмотря на ее обязанность способствовать прогрессивному развитию права, не должна забывать о том, что ее заключение не является окончательным и что результаты ее деятельности в конечном счете оцениваются государствами, за которыми, разумеется, остается последнее слово.

-----